

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

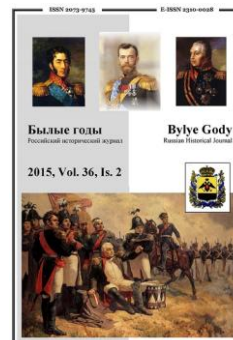
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 403-412, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94.7.084.5/.64(571.6)

Policy in the Area of Wages and Its Implementation in the Far East in the 1930s as a Mechanism for the Formation of Social Hierarchy

Olga I. Shestak

Vladivostok State University of Economics and Service, Russian Federation

41, Gogolya, St., Vladivostok, 690014

PhD (History), Associate Professor

E-mail: vvsu_vladivostok@mail.ru

Abstract

This article, based on documents from state archives, examines Soviet policy in the area of wages through the example of the Far East. The author comes to the conclusion that the wages policy implemented in the USSR in the 1930s was a key mechanism in the formation of a hierarchical social production-type establishment. It would determine the prestige of professions and the functionality of spheres of work activity and underscored the commanding positioning of social groups, thereby setting and ensuring all key criteria for constructing a system of social inequality, on the one hand, and fixing the population to remote and scarcely populated territories, on the other.

Keywords: Far East, wages, social hierarchy, social structure, social layers, policy of wages.

Введение

XX век в современной интерпретации многим из нас представляется эпохой войн и политических потрясений, ложных и необдуманных решений, опасных заблуждений и опрометчивых ошибок. В тоже время это был век невиданного ранее по масштабам научного и технического прогресса и глубоких, необратимых социальных перемен.

Вглядываясь в это не такое уж отдаленное от нас прошлое, мы не можем не обратить внимание на феномен советского социализма, занимающего огромное место в истории данного периода. Наибольший интерес для современных исследователей представляет история советского общества 1930-х гг., поскольку в эти годы разворачивались социальные процессы, сформировавшие советскую модель общественных отношений. Сегодня очевидно, что советское общество было глубоко иерархично, а социальное равенство было весьма иллюзорно. Формирование советской модели социальных отношений проходило с опорой на комплекс механизмов, ключевым из которых стала заработная плата, имевшая целью ранжирование социальных групп по критерию доступа к материальным благам.

Изучение советской политики в области заработной платы, реализуемой в 1930-е годы, дает возможность осмысления механизмов и путей формирования социальной иерархии, которые и в сегодняшнем обществе могли бы сыграть весомую роль в построении каркаса устойчивой социальной структуры.

Материалы и методы

Источниковую основу настоящей статьи составили опубликованные и неопубликованные материалы и документы, хранящиеся в фондах государственных архивов Москвы, Хабаровска, Владивостока. Группу опубликованных источников составляют материалы Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайисполкома, которые представлены отчетами об итогах деятельности; протоколами заседаний, постановлений и решений краевых партийных конференций, краевых съездов Советов; также сюда относятся нормативно-правовые акты, представленные в собраниях законов, постановлений и распоряжений Союза ССР. Архивные материалы представлены директивными

документами центральных руководящих органов власти, протоколами заседаний, решений и постановлений ЦК Партии (ВКП(б)), Политбюро ЦК, СНК СССР, ЦИК СССР; официальной перепиской членов Политбюро ЦК и другими документальными материалами. При работе с источниками автор руководствовался необходимостью выявить как можно больший их круг, критически осмыслить достоверность и объективность.

Методологическую основу работы составил принцип историзма, который предусматривает выявление и описание максимально полного набора фактов, необходимых для решения конкретной исторической задачи, предполагает, что все события и явления причинно обусловлены, функционально связаны, различаются по степени значимости, что позволяет провести их анализ с учетом всех связей и взаимосвязей с общеисторическими переменами 1930-х годов.

Обсуждение

В отечественной исторической науке период 1930-х гг. оценивается как переломная эпоха. Формирование командно-административной системы, осуществление индустриализации и коллективизации вызвали серьезные подвижки в социальной и политической структурах. Партийно-государственная политика в отношении разных социальных групп и ее результаты имеют определяющее значение для понимания истории этого периода. Переходным этапам в развитии экономики в 1930-е гг. соответствовали промежуточные фазы социально-трудовых отношений, когда субъекты только начинали осваивать новые правовые нормы и правила поведения, новые социальные роли и соответствующие им ролевые функции. Как проходило формирование советской модели социальных отношений в СССР? Какова была роль политики в области заработной платы в формировании структурной модели советского общества? Какие факторы определяли положение человека в советской социальной иерархии? Чьи интересы отражала советская политика в области заработной платы и какова была её роль в формировании советской социальной системы, в целом? Этим и ряду других вопросов посвящена настоящая статья, в которой автор на примере Дальнего Востока, рассматривает политику в области заработной платы как механизм, имевший целью построение иерархической социальной структуры в СССР. Все приведенные выше вопросы непросты и дискуссионны, и немало выводов, ставших итогом научных размышлений автора, расходятся с оценками, получившими распространение в отечественной исторической науке. Но в социальных науках, где все связано с теми или иными общественными интересами, самое важное – не однозначный результат, а путь поиска истины.

Результаты

Политика в области заработной платы с конца 1920-х гг. была полностью подчинена интересам индустриального развития и обуславливалась положением различных социальных групп в иерархии власти и производства, то есть носила стратифицирующий характер. С самого начала формирования советской социальной системы, начали внедряться механизмы построения социальной иерархии по производственному признаку. В официальной идеологической концепции было провозглашено стремление к ликвидации классового неравенства и построению бесклассового общества. Согласно изначальной теории марксизма – это было справедливо, поскольку классы в работах К. Маркса трактовались как социально-экономические категории со схожими жизненными позициями, занимающие определенные позиции на рынке труда. Не смотря на все перипетии построения и трансформации советской классовой теории с 1917 г., вполне можно согласиться с тем, что советское государство стремилось к ликвидации классов, что практически и произошло после свертывания НЭПа. Утвердившаяся же формула «2+1: *крестьянство, рабочий класс и прослойка – интеллигенция*», которую впервые так явно выделил О.И. Шкарата [1; 66 – 69], носила по существу псевдо классовый характер, поскольку рынок труда был ликвидирован, и классы потеряли свое рыночное обоснование. Тем не менее, исчезновение классовой категории, как элемента социальной структуры и приобретение ею декларированного характера, не вело к социальному равенству, даже напротив, система социального неравенства год от года усложнялась и развивалась, при помощи различных механизмов, одним из которых выступала система заработной платы.

Следует отметить, что как механизм формирования социальной иерархии, заработная плата стала приобретать ключевое значение после свертывания НЭПа, который на некоторое время законсервировал классы, как социальные группы. С конца же 1920-х гг. после окончательного огосударствления трудовых отношений, заработная плата стала основой стимулирования труда и подъема промышленного производства. Её варьирование находилось в зависимости от географического местоположения регионов, где, в рамках каждого, с 1929 г. было введено нормирование заработной платы по тарифным поясам. Определение тарифных поясов осуществлялось в зависимости от заселенности земель, природных условий, ресурсной базы. Для малоосвоенных и малозаселенных местностей определялись тарифные пояса с наибольшими коэффициентами для расчета минимума заработной платы. Такое разделение регионов на внутритарифные пояса, должно было стимулировать их освоение и развитие местной промышленности, основываясь на принципах производственной иерархии.

Согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) от 7 декабря 1929 г. «О государственном нормировании заработной платы служащих в государственных учреждениях и предприятиях» было определено, что нормирование зарплаты должно производиться на основе твердой номенклатуры должностей, твердых штатов и твердых окладов для каждой штатной должности [2]. Номенклатура должностей для всех предприятий и учреждений устанавливалась Наркоматом Рабоче-крестьянской инспекции (далее – РКИ) по согласованию с наркоматом труда и Всероссийским Центральным Советом Профсоюзов (далее – ВЦСПС), слитыми к тому времени воедино. Твердые штаты для госучреждений устанавливались Наркоматом РКИ СССР и местными органами с участием соответствующих финансовых органов, заинтересованных ведомств и профсоюзов; для всех остальных учреждений и предприятий – соответствующими республиканскими ведомствами и отделами местных исполкомов с участием профсоюзов; твердые оклады для аппаратов краевых учреждений и предприятий устанавливались краевыми органами труда и профсоюзными организациями [2].

Для установления твердых окладов в Дальневосточном крае (далее – ДВК) постановлением Далькрайисполкома от 26 декабря 1929 г. было подтверждено деление территории края на тарифные пояса, существовавшие ещё с 1923 г. (табл. 1), и утверждены коэффициенты для расчета минимума зарплаты по поясам: 4-й пояс – 1; 3-й пояс – 1,5; 2-й пояс – 1,75; 1-й пояс – 2,5 [3].

Таблица 1: Деление территории Дальнего Востока на тарифные пояса (по территориальному обозначению с 1926 г.) [3]

Тарифные пояса	Состав поясов
1-й пояс	Чукотский, Анадырский, Карагинский, Пенжинский районы Камчатского округа
2-й пояс	Петропавловский, Усть-Камчатский, Большерецкий и Тигильский районы Камчатского округа; Ольский, Охотский и Тугуро-Чумиканский районы Николаевского-на-Амуре округа и Охинский район Сахалинского округа
3-й пояс	Сахалинский округ; Кербинский, Николаевск, Нижнетамбовский и Большемихайловский районы Николаевского-на-Амуре округа; Советский район Зейского округа и Ольгинский район Владивостокского округа
4-й пояс	Сахалинский округ; Кербинский, Николаевск, Нижнетамбовский и Большемихайловский районы Николаевского-на-Амуре округа; Советский район Зейского округа и Ольгинский район Владивостокского округа

Для основной ставки и дополнительной оплате к ней были установлены следующие поправные коэффициенты: для северных районов Камчатки (Чукотский, Анадырский, Карагинский и Пенжинский) – 250 %; для остальных районов Камчатки – 200 %; для Сахалинского округа – 150 %; для Николаевского, Хабаровского и Владивостокского округов – 125 % [3]. Высокие коэффициенты для расчета заработной платы и высокие поправные коэффициенты для малоосвоенных районов с тяжелыми климатическими условиями должны были стимулировать процесс переселения, привлечь рабочую силу на индустриальные объекты. Приток населения в районы с жестким климатом был возможен только при условии их социальной привлекательности. Таким образом, высокие коэффициенты заработной платы повышали место регионов в производственной иерархии, одновременно формируя фундамент иерархии социальной.

Исчисление заработной платы производилось по переутвержденной в ноябре 1929 г. тарифной сетке ВЦСПС, введенной еще в начале 1920-х гг., в соответствии с которой, месячная ставка 1-го разряда была установлена в размере 15 руб., а ставки последующих разрядов исчислялись путем умножения ставки первого разряда на соответствующий коэффициент разрядной таблицы (табл. 2).

Таблица 2: 17-разрядная тарифная сетка ВЦСПС [4]

Разряд	Коэффициент	Разряд	Коэффициент
1	1,0	10	4,2
2	1,2	11	4,6
3	1,5	12	5,0
4	1,8	13	5,5
5	2,2	14	6,2
6	2,5	15	6,7
7	2,8	16	7,2
8	3,1	17	8,0
9	3,5		

В соответствии с разрядными нормами, при перемножении всех коэффициентов, средняя зарплата 1-го разряда по ДВК определялась в 78 руб. 75 коп.; средняя зарплата 17-го разряда определялась в 630 руб.; минимальная зарплата в ДВК по 1-му разряду определялась в 34 руб. 50 коп.; максимальная по 17-му разряду определялась в 1 050 руб. Максимальные ставки определялись для должностей управленческого персонала высшего звена; минимальные для работников сельских администраций. Средние же зарплаты по краю у служащих различных государственных инспекций и управлений, а также районных администраций исчислялись от 350 до 550 руб. На основании постановления от 7 декабря 1929 г. и по установившейся в крае практике ставки заработной платы государственным служащим начиная с 9-го разряда утверждались Далькрайисполкомом [5].

С 1931 г. стало проводиться планомерное повышение заработной платы рабочим и служащим многих профессий. 28 октября 1931 г. вышло постановление СНК «О повышении заработной платы учителям школ первой и второй ступени», которое увеличивало среднюю ставку месячной зарплаты для учителей школ 1-й ступени до 90 руб., для учителей школ 2-й ступени – до 130 руб., не считая краевых и областных исчислений [6]. Общее начисление зарплаты учителям должно было производиться не ниже 7-го разряда. Со всеми районными начислениями зарплата учителей школ 1-й ступени по ДВК стала составлять в 1931 г. – 126 руб.; школ 2-й ступени – 207 руб. [7] 16 декабря 1931 г. вышло постановление СНК «О повышении заработной платы медицинских работников», – их зарплата повышалась в среднем на 23 % [8].

Наиболее обеспеченными из рабочей группы на Дальнем Востоке были рабочие железнодорожного транспорта, которые имели самую высокую зарплату. В конце 1932 г. в этой группе было произведено плановое централизованное повышение заработной платы. Выросли месячные ставки для различных профессиональных групп в железнодорожном транспорте. Инженерам, работающим на производстве, оклады устанавливались на 15 % больше, чем инженерам той же квалификации, работающим в аппарате [9], что свидетельствовало о высокой оценке со стороны партийных руководителей роли технических работников на предприятиях. Оклад инженерно-технических работников (далее – ИТР) железнодорожного транспорта повышался с 1 декабря 1932 г. в среднем на 15–28 %. Больше всего он вырос у главных инженеров паровозо-вагоноремонтных заводов – на 39 %. Так, по краю средняя зарплата ИТР на железнодорожном транспорте в 1932 г. стала составлять 284 руб. 75 коп., средняя зарплата квалифицированного рабочего – 196 руб. 85 коп.

Рост заработной платы ИТР был обусловлен, во-первых, необходимостью привлечения и удержания высококвалифицированных кадров на производстве, в особенности на железнодорожном транспорте, и, во-вторых, был необходим для поднятия и укрепления социального статуса инженеров на предприятии, поскольку в соответствии с уже устоявшимся менталитетом, рабочие неохотно исполняли распоряжения технических работников, оплачиваемых на одном, либо меньшем с ними уровне, то есть они отказывались работать под руководством человека одного с ними социального статуса. В данном случае проявлялся унаследованный с дореволюционных времен тип социального действия, в рамках которого место в общественной иерархии определялось функциональностью профессии, а функциональный тип профессий определялся размером оплаты, предлагаемой за обладание определенными знаниями, умениями и навыками. И на том же заводском производстве социальный статус работника был тем выше, чем выше был уровень оплаты труда.

Для начисления заработной платы рабочим на Дальнем Востоке максимальным был определен 12 разряд Единой тарифной сетки (далее – ЕТС) ВЦСПС; самые же распространенные, назначаемые квалифицированным рабочим, оставались 7–10 разряды. В 1930 г. средняя заработная плата у рабочих в крае исчислялась от 100 до 140 руб., у ИТР от 180 до 240 руб., у служащих среднего звена от 190 до 265 руб. [10] Не смотря на возможность получения продуктового пайка по системе централизованного продовольственного снабжения, продуктов, для нормальной жизнедеятельности средней рабочей семьи из 3–4-х чел., в месяц не хватало, и рабочие вынуждены были тратить до 45–50% семейного бюджета для приобретения необходимого продовольствия на рынке. Рыночные же цены, по сравнению с ценами кооперативными были невероятно высоки: 1 пуд муки на рынке стоил 20–30 руб. (3 руб. в кооперации), 1 кг мяса – 3–4 руб. (70 коп в кооперации), 1 пуд картошки – 9 руб. (48 коп. за кг в кооперации), 1 кг сливочного масла – 7 руб. (103 руб. в кооперации), 1 десяток яиц – 2 руб. (50 коп. в кооперации) [11; 28]. Особенно высокие цены в крае были на промышленные товары и одежду. Примерно 1 раз в год семья была вынуждена обновлять свой гардероб. Мужские кожаные сапоги стоили во Владивостоке 160–180 руб., детские ботинки – 80–100 руб., 1 м. ситцевой ткани – 60 руб.

Высокая заработная плата по индустриальным отраслям промышленности делала их социально значимыми и привлекала представителей других социальных групп.

С началом коллективизации и массового разорения крестьянских хозяйств, на предприятиях появилось большое количество выходцев из деревни, которые пополнили ряды низкоквалифицированных рабочих. Эта часть рабочих была востребована на новостройках-гигантах. Большое количество рабочих пришло на строительство Комсомольска на Амуре и строительство Амурстали – до 16 тыс. чел., на предприятия Дальугля (3480 чел.), на Дальзавод (1300 чел.) [12; 114].

Приток сельских жителей на индустриальные стройки был общим явлением для всей страны. Заводские цеха, предприятия, учреждения заполнялись выходцами из деревни, не знавшими производства, не имевшими рабочих навыков. Вырванные из привычной обстановки, неустроенные, они походили на «перекати-поле». Чтобы лучше устроиться, они без конца меняли места работы, ища более высокую зарплату, что вылилось в огромную текучесть кадров, рост прогулов, опозданий, вело к маргинализации рабочих профессий. Фактически на производство шли люди, несущие в себе черты традиционной крестьянской культуры. Случаи пьянства, порчи станков и оборудования, производственного травматизма, и без того типичные для рабочей среды, с приходом «новых рабочих» стали еще более частыми.

Политическое руководство, столкнувшееся с проблемой маргинализации производственных кадров, стало бороться с этим явлением. В 1929 г. был издан ряд постановлений о мерах улучшения трудовой дисциплины [13]. Первое из них от 6 марта 1929 г. «О мерах укрепления трудовой дисциплины в государственных предприятиях», предоставляло администрации предприятий право самостоятельного наложения на работников всех взысканий, предусмотренных табелью о взысканиях. Несогласные с наложением взысканий рабочие и служащие могли обжаловать их в конфликтных комиссиях предприятий, решения которых являлись окончательными. Только за III квартал 1929 г. на Дальзаводе было наложено 1368 взысканий [14; 28]. В постановлении от 5 апреля 1929 г. «О мерах борьбы с прогулами», страховым кассам предоставлялось право не выдавать пособий по временной нетрудоспособности за первые три дня в случае наступления этой нетрудоспособности от острого опьянения или действий вызванных им. 12 июля вышло постановление «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателям», в котором указывалось, что рабочие и служащие несут ответственность за причиненный нанимателю ущерб в размере 1/3 заработной платы, если ущерб вызван небрежностью в работе или нарушениями правил внутреннего распорядка.

Особенно недоволен был кадровыми проблемами на производстве И.В. Сталин, который не мог объяснить, почему «класс», выделенный официальной идеологией как приоритетный в государственной социальной политике и наделенный большими привилегиями не платит «столицей за оказанную ему честь». В соответствии с пожеланиями И.В. Сталина, постановлением ЦИК и СНК от 13 октября 1930 г. «Об основах дисциплинарного законодательства» правилами внутреннего распорядка предприятий устанавливалась дисциплинарная ответственность за различного рода нарушения, совершенные в рабочее время [15]. 3 июля 1931 г. вышло постановление «О некоторых изменениях трудового законодательства», которое определяло, что работник, несет материальную ответственность за выданное ему в пользование имущество предприятия, если установлено, что он утратил это имущество или умышленно нанес ему порчу [16]. Наконец, 15 ноября 1932 г. постановлением ЦИК и СНК «Об увольнении за прогул без уважительных причин» вводилось увольнение с работы за один день неявки без уважительной причины [17]. Увольнение сопровождалось дисквалификацией, что лишало работника в дальнейшем возможности получать высокую заработную плату. В 1933 г. этот пункт был дополнен таким образом, что уволенный работник лишался права на кооперативную квартиру, предоставленную ему в домах жилищно-строительных кооперативов (далее – ЖСК) за счет жилфонда, выданного жилищкооперацией данному предприятию [18]. Однако, реальной причиной текучести кадров было снижение уровня жизни в стране в конце 1920-х – в начале 1930-х гг., что вызывало у людей желание постоянного поиска такого места работы, где можно было прокормить семью, формирую, таким образом, подвижность границ социальных слоев и групп.

11 декабря 1933 г. вышло особое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О льготах для населения Дальневосточного края» [19; 5–9]. Внимание правительства к ДВК было обусловлено необходимостью увеличения объема промышленного производства, укрепления дальневосточных военных рубежей через заселение приграничных территорий. В соответствии с постановлением, с 1 января 1934 г. по всему краю повышалась заработная плата рабочим и инженерно-техническому персоналу угольной промышленности – на 30 %; рабочим заводов, фабрик, транспорта и связи, учителям, медперсоналу, ветеринарам, агротехникам и землемерам – на 20 %; служащим учреждения и предприятий – на 10 %. С 1 января 1934 г. были повышены оклады личному составу войск ДВК: красноармейцам, краснофлотцам и младшему офицерскому составу на 50 %; среднему, старшему и высшему начсоставу – на 26 % [19; 9].

Увеличение заработной платы происходило по двум направлениям. Во-первых, рабочим различных предприятий и сфер промышленного производства, обслуживающему персоналу, служащим различных учреждений, учителям, медицинским работникам и т.д. зарплата назначалась на основании 17 разрядной тарифной сетки ВЦСПС. Назначение же заработной платы государственным служащим высшего и среднего звена, работникам финансового аппарата, органов юстиции, ответственным политическим работникам осуществлялось на основе специальных центральных и краевых постановлений по номенклатуре должностей, независимо от разрядов тарифной сетки, что делало размеры их заработной платы практически неконтролируемыми и определяло их привилегированное положение в социальной иерархии.

Увеличение зарплаты дальневосточников согласно декабрьскому постановлению СНК и ЦК ВКП(б) шло за счет увеличения минимальной ставки 1-го разряда тарифной сетки ВЦСПС. Ставка 1-го разряда в угольной промышленности после увеличения стала определяться в 19,5 руб., для рабочих других отраслей, учителям, медперсоналу и т.д. – в 18 руб., для служащих учреждений и предприятий – в 16,5 руб. Далее исчисление заработной платы шло в зависимости от разряда конкретного работника при перемножении всех коэффициентов. В результате к 1936 г. средняя заработная плата на Дальнем Востоке варьировалась от 249 до 305 руб., превышая среднесоюзный уровень на 42,3%, и будучи самой высокой по стране [20; 54]. Помимо зарплаты, рабочим, специальным постановлением Далькрайисполкома от 27 марта 1936 г., разрешили иметь индивидуальные огороды для самообеспечения [21]. На рабочие огороды в окрестностях и крупных городах края было выделено 18 555 га земли, которая закреплялась за огородниками на 6 лет с выдачей удостоверения на право пользования участком. Огородники освобождались от уплаты налога и обеспечивались по умеренным ценам инвентарем и семенами. Развитие огородничества способствовало повышению уровня потребления продуктов питания в рабочих семьях и сразу получило в крае широкое распространение. Огороды засевались картофелем, овощами, необходимыми для питания семьи. Благодаря огородам к 1937 г. расходы на питание в бюджетах многих рабочих сократились с 52 до 32% семейного бюджета в месяц, ввиду чего у людей освободились средства для улучшения своего домашнего быта и культурного досуга.

20 сентября 1934 г. вышло постановление Далькрайисполкома «О повышении зарплаты работникам низового финансового аппарата» [22]. Средние ставки заработной платы работникам финансового аппарата без коэффициента выглядели следующим образом: Заврайфо – 385 руб., инспектора – 330 руб., специнструкторы – 275 руб., счетоводы – 175 руб. [22] С учетом поправок коэффициентов, средняя заработная плата работников финансового аппарата составляла от 437 руб. до 962,5 руб., превышая среднюю зарплату рабочих в 2 – 3 раза.

Постановлением Далькрайисполкома от 17 сентября 1934 г. «О повышении заплаты работникам органов юстиции», были повышены средние ставки зарплаты работникам юстиции различных должностей [23]. По району края зарплата народных следователей составляла без коэффициентов 330 руб., секретарей – 230 руб., делопроизводителей – 175 руб. При перемножении коэффициентов зарплата работников юстиции варьировалась в тех же пределах, что и зарплата низового финансового аппарата, в результате чего эти профессии образовали единую социальную группу, главным критерием выделения которой стал уровень заработной платы.

Наконец, специальным постановлением Дальневосточной краевой исполнительной комиссии (далее – ДКИК) от 13 ноября 1933 г. «О новых ставках зарплаты для ответственных политических работников советских организаций» был введен номенклатурный перечень должностных окладов для ответственных политических работников края, без учета районных коэффициентов [24]. Как видно из таблицы 3, оклады разбивались на 7 групп: 1-я группа – 275 руб., 2-я – 300 руб., 3-я – 350 руб., 4-я – 400 руб., 5-я 450 руб., 6-я – 500 руб., 7-я – 550 руб. К 7-й группе относились председатели: Далькрайисполкома, краевого суда и краевой прокурор. При перемножении на районные коэффициенты их зарплата составляла 1925 руб., превышая среднюю зарплату рабочих в 7–8 раз.

Таблица 3: Перечень должностных окладов для политических работников советских организаций в ДВК: 1933–1937 гг. (без районных коэффициентов) [24]

Оклады по группам	Состав групп по должностям
7-я группа (550 руб.)	1. Председатель Далькрайисполкома; 2. Председатель краевого суда и краевой прокурор
6-я группа (500 руб.)	1. Зам. председателя Далькрайисполкома, Председатели Приморского, Амурского, Сахалинского, Камчатского облисполкомов; 2. Прокуроры Приморского, Амурского, Сахалинского, Камчатского областных и председатели местных судов
5-я группа (450 руб.)	1. Председатели горсоветов: Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Александровска на Сахалине и Петропавловска на Камчатке; 2. Председатели райисполкомов промышленных и заготовительных районов с нас. свыше 140 тыс. чел.; 3. Зам. председателей облисполкомов Приморской, Амурской, Сахалинской, Камчатской областей; 4. Ответственные редакторы краевых и областных газет; 5. Прокуроры районов с нас. свыше 140 тыс. чел.
4-я группа (400 руб.)	1. Председатели райисполкомов с нас. от 75 до 150 тыс. чел.; 2. Зав. отделами краевого и областных исполкомов; 3. Секретари краевого и областных исполкомом; 4. Прокуроры районов с нас. от 75 до 150 тыс. чел.; 5. Краевой государственный арбитр.

3-я группа (350 руб.)	1. Председатели райисполкомов с нас. до 75 тыс. чел.; 2. Председатели горсоветов с нас. от 25 до 50 тыс. чел.; 3. Зам. Председателей и члены областных судов, нарсудьи районов с нас. свыше 150 тыс. чел.; Прокуроры районов с нас. от 75 тыс. чел.; 5. Ответственные редакторы городских и районных газет; 6. Секретари и зав. отделами райисполкомов с нас. свыше 150 тыс. чел.; 7. Секретари и зав. отделами горсоветов с нас. свыше 50 тыс. чел.
2-я группа (300 руб.)	1. Секретари и зав. отделами райисполкомов с нас. от 75 до 150 тыс. чел.; 2. Секретари и зав. отделами горсоветов с нас. от 25 до 50 тыс. чел.; 3. Ответственные секретари отделов областных исполкомов; 4. Нарсудьи районов с нас. от 75 до 150 тыс. чел.; 5. Зав. секторами облисполкомов.
1-я группа (275 руб.)	1. Секретари и зав. отделами райисполкомов с нас. до 75 тыс. чел.; 2. Секретари зав. отделами горсоветов с нас. до 75 тыс. чел.; 3. Нарсудьи районов с населением до 75 тыс. чел.

Рост заработной платы высшего управленческого персонала в условиях становления централизованной распределительной системы в 1930-е гг. был связан с отменой партмаксимума. Зарплата политического руководства стала наивысшей в стране, что окончательно зафиксировало его элитарное положение. Впрочем, помимо высокой зарплаты были и другие источники денежных доходов для руководящих работников. Существовали так называемые «секретные денежные фонды», появившиеся еще в 1920-е гг. и получившие широкое распространение со второй половины 1930-х гг. Они шли на оплату питания в закрытых столовых, спецбуфетах, покупку квартир, книг, пособий на лечение, оплату путевок, строительство домов отдыха [25]. Заметим, что в условиях весьма скудной торговли и практически бесплатного государственного обеспечения, деньги особой роли в материальном положении государственной элиты не играли.

Невероятно высокие оклады и обеспечение партийных работников выглядели особенно вызывающе на фоне низкого уровня жизни сельского населения. Средняя зарплата рабочих сельской местности едва достигала 76,5 руб., а суммарный доход колхозников на хозяйство в месяц едва превышал 140 руб. Впрочем, доходы дальневосточной партийной элиты выглядели мизерными по сравнению с доходами высших номенклатурных чиновников союзного масштаба. Сохранилась запись беседы В.М. Молотова с поэтом Ф. Чугуевым в декабре 1972 г. Речь шла о доходах В.М. Молотова в 1930-е гг.: «– Вам оклад платили, или вы были на государственном обеспечении? – Оклад. – А сколько? – Не знаю. Никогда не интересовался. Практически неограниченно. По потребности. Давали в конверте. На жизнь имеешь. Вот и все. В этих пределах» [26; 224].

С разукрупнением Дальнего Востока в 1938 г. по административным единицам острее стала ощущаться разница в заработной плате между ними. Самые высокооплачиваемы рабочие и служащие были на Сахалине, самые низкооплачиваемые в Амурской области. Средняя же зарплата рабочих и служащих по региону превышала в 2,5–3 раза среднюю зарплату в других областях и краях Союза за счет районных коэффициентов. В средствах массовой информации, на рабочих собраниях, создавался образ «исключительности» Дальнего Востока и особого положения дальневосточников. У людей формировалось самосознание «социальной исключительности», что поддерживало производственный энтузиазм и предотвращало отток населения, хотя на самом деле положение дальневосточников «исключительным» не являлось: цены на продукты питания превышали общесоюзные в 1,5–2 раза; цены на товары – в 2,3 раза, что снижало уровень реальных доходов и уравнивало по уровню благосостояния жителей Дальнего Востока с жителями других регионов [27; 148].

В предвоенный период политическое руководство свело «на нет» достижения в области регионального повышения заработной платы. 11 марта 1939 г. было принято постановление Экономсовета при СНК СССР «О единых нормах выработки и тарифных сетках для рабочих, занятых в строительстве», которое в целях повышения производительности труда и упорядочивания системы заработной платы в строительстве утверждало единые нормы выработки, тарифные сетки и ставки, предусматривающие повышение норм выработки в среднем на 4,3 %, расчетных ставок в среднем на 16,6 % [28]. Вводя единые ставки, постановление отменяло сдельную оплату труда, что привело к сокращению уровня доходов рабочих в строительстве от 8 до 16,5 %.

26 июня 1940 г. по представлению ВЦСПС был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [29]. Целью указа было, прежде всего, закрепление рабочих на предприятиях, поскольку все предыдущие указы, распоряжения и постановления так и не смогли предотвратить и искоренить перехода рабочих на производства, где была выше оплата труда, где было больше возможностей удовлетворения своих бытовых нужд. В соответствии с указом, продолжительность рабочего дня рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях была увеличена с 7 до 8 часов на предприятиях с 7-часовым рабочим днем; с 6 до 7 часов на предприятиях с 6-часовым рабочим днем, за исключением профессий с вредными условиями труда; с 6 до 8 часов для служащих

учреждений; с 6 до 8 часов для лиц, достигших 16 лет. Все государственные, кооперативные и общественные предприятия и учреждения были переведены с 6-дневки на 7-дневную неделю, считая 7-й день недели – воскресенье – днем отдыха. Уход с предприятия или переход с одного предприятия на другое, допускался только с согласия директора предприятия. Помимо прочего, указ от 26 июня устанавливал уголовную ответственность рабочих и служащих за опоздания и прогулы, а также за самовольный уход с работы [29]. Постановлением СНК СССР от того же 26 июня «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 8-часовой рабочий день», сохранялись существующие тарифные ставки и месячные должностные оклады рабочих и служащих, увеличивались пропорционально продолжительности рабочего дня нормы выработки и снижались сдельные расценки [30]. Таким образом, при увеличении рабочего времени не произошло увеличения заработной платы, что означало падение её реальной себестоимости, поскольку за больший труд человек получал меньше деньги.

В основе этих мер правительства лежали следующие причины. С неурожаем 1938 г. в 1939 г. в стране разразился продовольственный кризис, углубившийся с началом финской военной кампании. В городах появились массовые очереди за хлебом и другими продуктами питания. Во Владивостоке и Хабаровске с сентября 1939 г. были закрыты колхозные рынки; вдвое сократилось снабжение северных районов и, прежде всего – Сахалина [29; 150]. Газета «Красное знамя» отмечала в начале 1940 г., что полноценный рабочий день на Дальзаводе из-за массовых опозданий рабочих, вынужденных стоять в очереди за продуктами с 3 часов утра, начинается с опозданием на 1,5–2 часа [31; 2]. В Европе уже началась война, что еще больше вызвало у людей панику, которая на Дальнем Востоке обострялась близостью с Японией. В результате панических настроений производство лихорадило – росла текучесть кадров, массовые прогулы, отказ работать. Дефицит продуктов питания на Дальнем Востоке был вызван еще и постоянным увеличением денежной массы в обращении, что явилось следствием высоких заработных плат. У людей были деньги, но приобрести на них товары они не могли, что порождало инфляцию и рост цен на продукты на «черном рынке». Эти явления начала 1940-х гг. породили отток населения из региона и новый виток маргинализации рабочих.

Заключение

Подводя итог оценке советской политики в области заработной платы, реализуемой на Дальнем Востоке в 1930-е годы, следует отметить, что заработная плата была не столько способом стимулирования развития региональной промышленности, сколько механизмом формирования социальной иерархии как региональной и производственной, так и внутригрупповой. Она определяла престижность профессий, функциональность сфер трудовой деятельности, подчеркивала властное позиционирование социальных групп, задавая и обеспечивая, таким образом, все основные критерии для построения системы социального неравенства, с одной стороны, закрепляя население на отдаленных и малозаселенных территориях – с другой, консервируя «социальную исключительность» дальневосточных территорий, что удерживало здесь население весь период советской государственности. Снятие «социальной исключительности» с дальневосточных земель и разрушение зарплатного, конструирующего социальную иерархию механизма, привел в 1990-е гг. к развалу социальной структуры и массовому оттоку населения из регионов Дальнего Востока, поскольку иных механизмов, формирующих социальную структуру, способных заменить зарплатный, так и не было предложено.

Примечания:

1. Шкаратан О.И. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита-Пресс, 2004. 208 с.
2. Собрание законов Союза ССР. 1929. № 76. Ст. 737.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 456.
4. ГАХК. Ф. Р-850. Оп. 1. Д. 40. Л. 27–28.
5. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 390.
6. Собрание законов Союза ССР. 1931. №64. Ст. 424.
7. ГАХК. Ф. Р-850. Оп. 1. Д. 40. Л. 29.
8. Собрание законов Союза ССР. 1931. №73. Ст. 489.
9. Собрание законов Союза ССР. 1933. №41. Ст. 242.
10. ГАХК. Ф. Р-850. Оп. 1. Д. 40. Л. 28.
11. Под контроль масс: бюллетень дальневосточной КРАЙКК-РКИ. № 9-10. Хабаровск, 1932. 34 с.
12. История Дальнего Востока СССР. Кн. 7. Советский Дальний Восток в периоды восстановления и реконструкции народного хозяйства, победы социализма в СССР (ноябрь 1922–1937 г.) /А.В. Ботьбух и другие; Под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1977. 356 с.
13. Собрание законов Союза ССР. 1929. №19. Ст. 167.; №26. Ст. 236.; №42. Ст. 367.; №46. Ст. 400.
14. Местные советы Приморья: страницы истории (1922–1985 гг.) /Сост. С.И. Лазарева и другие; Под ред. А.А. Волынцева. Владивосток: Дальнаука, 1990. 135 с.
15. Собрание законов Союза ССР. 1930. №2. Ст. 9.

16. Собрание законов Союза ССР. 1931. №35. Ст. 257.
17. Собрание законов Союза ССР. 1931. №78. Ст. 475.
18. Собрание законов Союза ССР. 1933. № 42. Ст. 244.
19. Важнейшие решения правительства о ДВК. О льготах для населения Дальневосточного края. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). Москва-Хабаровск, 1934. 165 с.
20. Материалы по отчету краевого комитета ВКП(б). Хабаровск, 1934. 122 с.
21. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 88. Л. 286.
22. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 47. Л. 225.
23. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 47. Л. 256.
24. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 137. Л. 1-3.
25. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8043. Оп. 11. Д. 74. Л. 146.
26. Из бесед В.М. Молотова с поэтом Ф. Чугуевым //Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира /Под общ. ред. акад. Ю.Н. Афанасьева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. 509 с.
27. Шестак О.И. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке (1922 – 1941 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 184 с.
28. Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1939. №18. Ст. 119.
29. Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1940. №16. Ст. 385.
30. Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1940. №16. Ст. 386.
31. Недопустимо //Красное знамя (Владивосток). 1940. 23 мая.

References:

1. Shkaratan O.I. Rossijskij porjadok: Vektor peremen. M.: Vita-Press, 2004. 208 s.
2. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1929. № 76. St. 737.
3. Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja (GAHK). F. R-137. Op. 4. D. 7a. L. 456.
4. GAHK. F. R-850. Op. 1. D. 40. L. 27-28.
5. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 7a. L. 390.
6. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1931. №64. St. 424.
7. GAHK. F. R-850. Op. 1. D. 40. L. 29.
8. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1931. №73. St. 489.
9. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1933. №41. St. 242.
10. GAHK. F. R-850. Op. 1. D. 40. L. 28.
11. Pod kontrol' mass: bjulleten' dal'nevostochnoj KRAJKK-RKI. № 9-10. Habarovsk, 1932. 34 s.
12. Istorija Dal'nego Vostoka SSSR. Kn. 7. Sovetskij Dal'nij Vostok v periody vosstanovlenija i rekonstrukcii narodnogo hozjajstva, pobedy socializma v SSSR (nojabr' 1922–1937 g.) /A.V. Bol'buh i drugie; Pod red. A.I. Krushanova. Vladivostok: Izd-vo DVO RAN, 1977. 356 s.
13. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1929. №19. St. 167.; №26. St. 236.; №42. St. 367.; №46. St. 400.
14. Mestnye sovety Primor'ja: stranicy istorii (1922 – 1985 gg.) /Sost. S.I. Lazareva i drugie; Pod red. A.A. Volynceva. Vladivostok: Dal'nauka, 1990. 135 s.
15. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1930. №2. St. 9.
16. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1931. №35. St. 257.
17. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1931. №78. St. 475.
18. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1933. № 42. St. 244.
19. Vazhnejshie reshenija pravitel'stva o DVK. O l'gotah dlja naselenija Dal'nevostochnogo kraja. Postanovlenie SNK SSSR i CK VKP(b). Moskva-Habarovsk, 1934. 165 s.
20. Materialy po otchetu kraevogo komiteta VKP(b). Habarovsk, 1934. 122 s.
21. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 88. L. 286.
22. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 47. L. 225.
23. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 47. L. 256.
24. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 137. L. 1-3.
25. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAE). F. 8043. Op. 11. D. 74. L. 146.
26. Iz besed V.M. Molotova s pojetom F. Chuguevym //Sovetskoe obshhestvo: vzniknovenie, razvitie, istoricheskij final. T.1. Ot vooruzhennogo vosstanija v Petrograde do vtoroj sverhderzhavy mira /Pod obshh. red. akad. Ju.N. Afanas'eva. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 1997. 509 s.
27. Shestak O.I. Sovetskaja social'naja politika i ejo realizacija na Dal'nem Vostoke (1922 – 1941 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2004. 184 s.
28. Sobranie postanovlenij i raspordzhenij Pravitel'stva Sojuza Sovetskih Socialisticheskikh Respublik. 1939. №18. St. 119.
29. Sobranie postanovlenij i raspordzhenij Pravitel'stva Sojuza Sovetskih Socialisticheskikh Respublik. 1940. №16. St. 385.

30. Sobranie postanovlenij i rasporyazhenij Pravitel'stva Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. 1940. №16. St. 386.

31. Nedopustimo //Krasnoe znamja (Vladivostok). 1940. 23 maja.

УДК 94.7.084.5/.64(571.6)

**Политика в области заработной платы и её реализация на Дальнем Востоке в 1930-е гг.
как механизм формирования социальной иерархии**

Ольга Игоревна Шестак

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Российская Федерация
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: vvsu_vladivostok@mail.ru

Аннотация. В статье на основе документов государственных архивов, на примере Дальнего Востока, рассматривается советская политика в области заработной платы. Автором делается вывод о том, что политика в области заработной платы, реализуемая в СССР в 1930-е годы, являлась ключевым механизмом формирования иерархической социальной структуры производственного типа. Она определяла престижность профессий, функциональность сфер трудовой деятельности, подчеркивала властное позиционирование социальных групп, задавая и обеспечивая, таким образом, все основные критерии для построения системы социального неравенства, с одной стороны, закрепляя население на отдаленных и малозаселенных территориях – с другой.

Ключевые слова: Дальний Восток, заработная плата, социальная иерархия, социальная структура, социальные слои, политика в области заработной платы.